

и единсущными с Богом, Который единсущен Слову. Чтобы сотворить мир, Богу

статочно было сказать об этом; говоря, Он пожелал и сделал. Одновременно, без всякой последовательности во времени Он дал бытие всей полноте того, что было когда-то, что есть сейчас и что будет в дальнейшем. Рассказ о творении в течение шести дней следует понимать аллегорически, ибо Бог все создал в один момент и, сохраняя сотворенное, Он более не творит. Все существа, которые появились и появятся впоследствии, были произведены в самом начале, причем в материи, но в виде зародышей (*rationes seminales*), которые должны были в прошлом или должны будут в будущем развиваться согласно порядку и законам, предусмотренным Самим Богом. Человек не является исключением из этого правила, кроме того, что касается души. Плоть всех будущих людей, Адам и Ева с самого начала обладали своим материальным выражением—невидимо, каузально, как все будущие существа, которые еще не появились на свет. Таким образом, Августин понимает историю мира как непрерывное развитие или, если угодно, как эволюцию, однако полностью противоположную творческой эволюции. Как индивиды, так и виды существовали с самого начала. Мир Августина разворачивается, скорее, во времени, и время разворачивается вместе с ним как огромная чудесная поэма, каждая часть, каждая фраза и каждое слово которой встают на свои места, остаются там и уходят при появлении следующей (следующего) точно в тот момент, который определил им гений поэта с целью достижения задуманного общего эффекта.

Самые благородные Божьи творения — это ангелы, причем Августин точно не знает, имеют ли они тела или нет. За ними следует человек, находящийся не намного ниже ангелов (*paulo minuiisti eum ab angelis**), но очевидно состоящий, как мы уже говорили, из души, которая пользуется телом, и из тела, используемого душой. Совершенно духовная и простая душа соединена с телом по-

средством некоторой естественной склонности, которая побуждает душу оживать его, управлять им и заботиться о нем. Именно благодаря душе материя становится живым организованным телом. Целиком присутствующая во всех его частях, душа образует с телом единство, которое и есть человек; однако очень трудно установить, каков ее источник. Автор трактата «О душе и ее происхождении» («*De anima et ejus origine*») в конце концов признается, что не в состоянии решить эту проблему. Создал ли Бог в самом начале духовные зародыши душ, или духовную субстанцию, из которой впоследствии будут образованы души, или же Он вручил зародыши ангелам, чтобы затем взять их назад и соединять с телами? Мы этого не знаем, и св. Августин никогда не претендовал в этой точке ни на что иное, кроме свободы знать.

Несомненно, очевиден метафизический оптимизм, которым вдохновлена эта доктрина творения. Какое бы глубокое влияние ни оказал на нее платонизм, Августин ни на минуту не допускает ни того, что материя дурна, ни того, что душа соединена с телом в наказание за грех. Однажды освободившись от гностического дуализма манихейцев, он никогда больше не впадал в него. Наоборот, Августин без конца повторял, что существующие отношения души и тела не таковы, какими они были когда-то и какими должны стать. Тело человека не темница его души—оно стало ею вследствие первородного греха, и первейшая цель нравственной жизни — это наше освобождение от него.

Представляя собой неизменность, Бог есть полнота бытия; следовательно, Он — абсолютное и неизменное Благо. Созданная из ничего природа человека блага постольку, поскольку она есть, но в этой именно степени она блага. Таким образом, благо пропорционально бытию; отсюда следует, что противоположность блага, которая есть зло,